Е.А. Кряквина

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ В СТРУКТУРАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

КРЯКВИНА Екатерина Александровна – соискатель ученой степени кандидата социологических наук Саратовского государственного технического университета (e-mail: KatyaKr@yandex.ru)

Аннотация. *Статья посвящена проблемам социально-политических изменений, рассматриваются вопросы, связанные с осмыслением социокультурных основ трансформации политического поведения. Внимание автора акцентируется на роли политических мифов в структуризации политического пространства.*

Ключевые слова: *политическое управление, политическая система, политическое сознание, политические мифы, легитимность.*

Концептуализация политического пространства традиционно исходит из постулата об автономии такого пространства. В «Археологии знания» М. Фуко политическое характеризуется как одна из важнейших вполне самостоятельных областей общественной жизни[1]. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в обществе, где принципом становится неоднородность социальной связи, политическая сфера не может быть чем-то отдельным. «В нем не оказывается ни чисто политических, ни вовсе не политических структур»[2]. Современный российский политический дискурс репрезентирует отношения, которые сам по себе довольно проблематичны. Как показывает мировой опыт, развитие политических коммуникаций неразрывно связано с усложнением способов организации политического дискурса.

Определение вектора изменений политического пространства невозможно без глубинного анализа характера социально-психологических механизмов, без выявления социокультурного аспекта. Попытка переноса заимствованных элементов цивилизационного бытия в иное политическое пространство может привести к диаметрально противоположному результату и выступать своеобразным тормозом общественного развития[3].

Масштабные институциональные перемены в политическом пространстве в ограниченном временном диапазоне опередили характер политиче-

[1] См.: *Фуко, М.* Археология знания. – Киев, 1996.

[2] *Филиппов, А.Ф.* Наблюдатель империи: империя как понятие социологии и политологии. – М., 1993.

[3] См.: *Близняк, Р.З.* Социокультурные детерминанты политического властвования // Проблемы политической трансформации и модернизации России. – М., 2001.

ских изменений, хабитуализацию соответствующих социальных ориентиров и норм. Поле взаимодействия «общество – власть» характеризуется аномийными явлениями, наблюдается «разрыв связей между функционирующими социальными институтами, позициями индивидов, картинами мира, поведенческими установками, автономизация указанных элементов с параллельным стремлением имитировать эти связи»[1].

В процессе изменения политического пространства возникло несоответствие существующих институциональных характеристик политической системы и ценностной системы общества, препятствующее демократизации современной России. Политическое поведение является «основным» в понимании политической субъектности, так как ведет к осмыслению символов в политическом сознании и самосознании, мобильности и регулировании политического участия.

Проблема политического поведения в отечественной науке находится в центре исследовательского интереса Э.Н. Ожиганова, исследовавшего влияние политических институтов на развитие политического сознания; В.В. Петухова, В.О. Рукавишникова, изучавших политическое участие и политическое поведение масс; Д.В. Ольшанского, Е.Л. Шестопал, которые характеризуют политическое поведение россиян в категориях «переходного периода», и приоритет при этом отдается «бифуркационности», зависимости от прошлого, принимаемого политического выбора[2]. Ж.Т. Тощенко и В.О. Рукавишников[3] отмечают «парадоксальность» политического поведения россиян, смешение патриархальных и модернизируемых установок. По их мнению политическое участие, установление новых политических ценностей происходит на фоне определения и дифференциации политической системы, вызывает смещение принятых демократических ценностей. Признается альтернативная модель поведения при сохранении «авторитарного контроля».

---

[1] См.: *Бляхер, Л.Е.* Виртуальное состояние социума, или Шансы и риски открытого общества в России. – М., 1997. – С. 64.

[2] См.: *Бойков, В.Э.* Установки сознания и политические предпочтения избирателей // Социология власти. – 1999. – № 4; *Он же.* Тенденции развития общественного сознания // Там же. – 2000. – № 5; *Горшков, М.К.* Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность. 1992–2002. – М., 2003; *Ожиганов, Э.Н.* Политическая культура номинальной демократии // Власть и политика. – 2003. – № 4; *Петухов, В.В.* Современный политический процесс и установки на политическое участие // Роль государства в развитии общества. – М., 1997; *Шестопал, Е.Л.* Политическая социализация и ресоциализация // Вопросы философии. – 1995. – № 4; *Ольшанский, Д.В.* Основы политической психологии. – Екатеринбург, 2001.

[3] См.: *Рукавишников, В.О.* Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ // Социологические исследования. – 1995. – № 1; *Тощенко, Ж.Т.* Парадоксальный человек. – М., 2001.

В исследованиях Ю.А. Зубка, Е.Н. Старикова, И.В. Чупрова[1] анализируется политическое поведение с позиции существования культурной эксклюзии, которая связана с разрушением основ символического подчинения политике.

Мировоззренческие барьеры определенных слоев общества, как отмечают А.П. Бандурин, О.М. Штомпель, делают их объектом «иррациональных мотиваций», противоречивого применения «прошлого», как ресурса политики, переплетения рационального и иррационального в социальной регуляции поведения в условиях социокультурного кризиса[2].

Трансформация российской политической системы привела к коренным изменениям в политическом поведении, сознании, политической культуре. Рассматривая совокупность обстоятельств, связанных с «маломасштабностью» и дискретностью политического поведения, а также неразработанностью и дефицитом методологических подходов к концептуализации поведенческих кодов, можно сделать вывод о необходимости исследования социокультурных и институциональных основ трансформации политического поведения.

Важность исследования механизмов развития духовно-практических измерений политических процессов, мифологизации и ремифологизации социального опыта обусловлена тем, что в современном обществе все более серьезную роль начинают играть информационные и пропагандистские технологии управления общественным сознанием. Анализ различных подходов к теоретической интерпретации политической сферы диктует вывод о ее многомерном характере. Политика выступает в единстве трех взаимосвязанных аспектов: как сфера общественной жизни; как один из видов активности социальных субъектов и как тип социальных отношений между индивидами, малыми группами.

В первом аспекте политика предстает элементом структуры общества, за которым закреплены функции согласования общих и частных интересов, осуществления господства и поддержания порядка, реализации общезначимых целей и руководства людьми, регулирования ресурсов и управления общественными делами. Второй связан с интерпретацией политики как способа совокупной и индивидуальной активности социальных субъектов, вида человеческой деятельности и социального поведения. Третий аспект характеризует политику как тип конфликтных отношений и социальных взаимодействий.

---

[1] См.: *Зубок, Ю.А., Чупров, И.В.* Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы. – М., 2000; *Стариков, Е.Н.* Социальная структура переходного общества» // Полис. – 1994. – № 4; *Зубок, Е.О.* Исключение в исследовании проблем молодежи // Социологические исследования. – 1998. – № 8.

[2] См.: *Бандурин, А.П.* Социальная регуляция: рациональное и иррациональное. – М., 2005; *Штомпель, О.М.* Социокультурный кризис (теория и методология исследования проблемы). – Ростов н/Д, 1999.

Исследование психологических механизмов постижения смыслов и значений политических событий помогает разобраться в особенностях понимания простыми людьми мира политики. Устойчивая легитимация (как и власть) в сложно дифференцированном обществе по своей природе – политический феномен. Коммуникативный потенциал наиболее отчетливо проявляется при наличии эффективной политической легитимации. Обнаружение ее базовых когнитивных структур, исследование эволюции их семантического содержания в сопряжении с политическими практиками и морфологией политики позволяет выявить специфику легитимационного процесса и политической культуры того или иного общества.

Система социально-политических мифов отражает состояние политической культуры в обществе. Социально-политические представления о политической реальности создают неповторимую окраску политической культуры и определяют ее внутреннее качество. Политический миф – это архетипическая конструкция, перенесенная в сферу самоорганизации общества или народа. Связь с архетипом говорит о непроизвольности мифотворчества, его взаимодействии с объективно существующим строем мысли, заложенном в архетипе. Политический миф требует ответа на конкретный вопрос – вечный (как в религии) или сиюминутный, преходящий, но все-таки связанный с бессознательным устремлением масс. Политический миф есть особый миф, который хранит в коллективной памяти социальный опыт, императивы духовно-нравственного измерения политических процессов. Он включает в себя: архетип какой-либо опытной ситуации, связанной с осуществлением мер социального регулирования и принуждения; содержание конкретного опыта, эмпирически полученного в ситуациях, объединенных данным архетипом; систему иносказательных образов, функциональная символика которых соотносит «желаемое» с «должным», то есть со сложившимся архетипом[1].

Логика политического мифа состоит в том, чтобы определенную причинную связь, оспоренную в результате социального кризиса, перенести в сферу мифических образов, где может быть найдены новая причинная связь и затем перенесена в политическую реальность. Политический миф, таким образом, несет в себе своеобразную поисковую логику, которая действует в отсутствие полноты исходных данных.

Социально-политические представления о политической реальности создают неповторимую окраску политической культуры и определяют ее внутреннее качество. «Именно мифологическое стереотипное восприятие массовым сознанием обусловливает вариативность политических процессов в различных цивилизационных системах»[2]. Публичная политика не мо-

---

[1] См.: *Шестов, Н.И.* Политический миф теперь и прежде. – Саратов, 2003. – С. 3.

[2] *Бесшапошникова, А.П.* Универсальный синтез: миф, религия, мистика. – Саратов, 2000. – С. 25.

жет быть редуцирована лишь к институциональным формам практик. Для нее характерны сильная дифференциация институциализированных форм политических практик и индивидуализация необъективированных практик. «Миф содержит в себе своеобразное пространство и время (точнее: пространство и различные времена) со своими топологиями, метриками, особенностями взаимодействия между героями сюжета и всеми другими многочисленными существами»[1]. Являясь формой бытия человека, миф с необходимостью охватывает все многообразные аспекты существования субъекта, в том числе общение, связь с другими людьми. Мифологический комплекс, принимающий в обрядах синкретические визуально-вербальные формы, выступает как специфический способ систематизации знаний об окружающем мире. Скрепляя воедино островки практического умения-знания, интересов-потребностей, догадок-интуиций на грани опыта материального и духовного, миф дает ключ к «пониманию» вещей, формирует топографию внутреннего мира, задает стереотип социального поведения.

Миф обеспечивает необходимую парадигму для человеческих действий, направляя повседневную деятельность людей в русло своего базисного паттерна. М.А. Лифшиц отмечает, что всякая подлинная мифология содержит в себе логомифию, то есть разум мифа, его безусловное содержание. «Развитие логомифии совершается стихийно. Она растет из множества частных мотивов, сталкивающихся в процессе общения небольших человеческих групп, из разных исторических слоев, перекрывающих друг друга и создающих как бы оптическое смешение небывалой глубины»[2]. В структуралистко-семиотических концепциях миф представляется как результат многократных коннотационных переосмыслений знаковых информационных единиц в процессе общения людей посредством вербальных или иных коммуникационных языков.

Называя языки, дискурсы, слова продуктами современного мифотворчества, Р. Барт видел задачу структуралистско-семиотической критики в демифологизации различных информационных языков и средств общения[3]. Г.Г. Почепцовым проанализированы несколько моделей мифологической коммуникации (Б. Малиновского, Р. Барта, К. Юнга, К. Леви-Стросса) и выделены два важных свойства мифологического. Во-первых, миф соединяет в себе рациональное и иррациональное. «Рациональное, поскольку без него не может мыслить себя современный человек, а в попытках управляемости и понятности окружающего мира он находит успокоение. Но иррациональное в мифе еще важнее, поскольку затрагивает в человеческой

[1] *Лифшиц, М.* Античный мир, мифология, эстетическое воспитание // Собр. соч.: в 3 т. – Т. 3. – М., 1988. – С. 88.

[2] *Лифшиц, М.* Античный мир, мифология, эстетическое воспитание. – Т. 3. – С. 366.

[3] См.: *Барт, Р.* Мифологии. – М., 2000. – С. 235, 283–286.

душе те «болевые точки», которые находятся вне сознания человека, вне его рационализма»[1]. Во-вторых, свойство мифологического, обеспечивающее его эффективное воздействие, – повторение того, что уже случалось ранее, то есть повтор архетипических действий.

Политическое сознание обеспечивает взаимодействие политических субъектов, информационные связи в политическом пространстве, выбор средств и методов политической деятельности. Это проявляется не только на уровне массового и группового, но и индивидуального сознания. В последнем случае на передний план выходят субъективно-психологические особенности и характеристики человека, намеревающегося вступить в политическое общение, коммуникацию с другими. Как теоретический, так и эмпирический уровень политического сознания способствует отражению политики в разнообразных формах – от доктрин до непосредственных переживаний – и развитию ее коммуникативных свойств. Наиболее рельефно эти свойства проявляются в политической идеологии.

Если в политической науке преобладает функция отражения, то в идеологии – функция ориентации, ценностный аспект. Политическую идеологию можно назвать «векторным мышлением». Она выполняет одновременно интегративную и разграничительную функции: первую, например, для сплочения членов какого-либо политического движения, а вторую – для разграничения этого движения от других[2]. Идеологии призваны быть связующими скрепами человеческих сообществ. К.С. Гаджиев отмечает парадокс современного секуляризованного мира, который состоит в том, что, отвергая традиционные религии и идеологии в качестве руководящих систем ценностей, норм, ориентаций, ожиданий, он в то же время создает условия для формирования разного рода новых утопий, мифов, идеологий, которые функционально выполняют роль тех же традиционных религий и идеологий[3]. Особенно важно то, что «в рамках идеологии формируются разнообразные средства политической коммуникации – общезначимые для политической общности понятия, образы, символы – важнейшие элементы языка политики, диалога власти и общества»[4], что позволяет глубже понять смысл трех «чистых» типов политической культуры.

Политические реалии требуют качественного осмысления социкультурных императивов в условиях изменения политического пространства, что дает возможность увидеть сложившуюся динамическую неравновесность

---

[1] *Почепцов, Г.Г.* Теория коммуникации. – М., 2001. – С. 96.

[2] *Kennan, G.* Around the Cragged Hill: A Personal and Political Philosophy. – N.Y.; L.; Norton, 1993. – P. 96– 107; *Shils, E.* The Virtue of Civility. – Indianapolis, 1997. – P. 25–62.

[3] См.: *Гаджиев, К.С.* Политическая идеология: концептуальный аспект // Вопросы философии. – 1998. – № 12. – С. 18.

[4] *Демидов, А.* Идеология как инструмент политической коммуникации и власти // Власть. – 1998.– № 8-9. – С. 44.

социальных обменов, несимметричность отношений в коммуникативном дискурсе. Качество взаимодействия в условиях изменения политического пространства во многом определяется степенью конгруэнтности формальных и неформальных связей, преодолением аксиологического кризиса, достижением относительного равновесия институциональных и социокультурных преобразований, базового консенсуса в обществе по поводу целей и средств политического развития.

Список литературы

Бляхер, Л.Е. Виртуальное состояние социума, или Шансы и риски открытого общества в России. – М., 1997.

Лифшиц, М. Античный мир, мифология, эстетическое воспитание // Собр. соч.: в 3 т. – Т. 3. – М., 1988.

Филиппов, А.Ф. Наблюдатель империи: империя как понятие социологии и политологии. – М., 1993.

Фуко, М. Археология знания. – Киев, 1996.

Шестов, Н.И. Политический миф теперь и прежде. – Саратов, 2003.

© Кряквина Е.А., 2009

И.В. Муругова

УСТОЙЧИВОСТЬ И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

МУРУГОВА Ирина Владимировна – соискатель ученой степени кандидата социологических наук Поволжской академии государственной службы (Саратов) (e-mail: gmu@pags.ru)

Аннотация. *В статье обосновывается роль социокультурных факторов в обеспечении устойчивости политического развития, обращено внимание на социоструктурные и функциональные особенности аксиологической трансформации, которая выступает в качестве составной части системной трансформации общества и политического развития.*

Ключевые слова: *политическая система, политические изменения, устойчивое развитие, транзитивность.*